

**СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ИЗ ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА
АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ В СОБРАНИИ РУССКОГО МУЗЕЯ***

*Работа представлена отделом древнерусского искусства
Государственного Русского музея.*

В статье изложены результаты работы по выявлению и изучению памятников старообрядческого искусства, хранящихся в Русском музее. В качестве примера избраны иконы из бывшего собрания древлехрамнища Александрo-Невской лавры. Работа с архивными источниками позволила установить их происхождение, а анализ иконографии и стиля – место и время создания.

Ключевые слова: старообрядчество, иконописание, история коллекций, древлехрамнища Александрo-Невской лавры, Русский музей.

N. Pivovarova

**OLD BELIEVER MONUMENTS FROM THE ANTIQUITIES STOREHOUSE
OF THE ALEXANDER NEVSKY LAVRA IN THE RUSSIAN MUSEUM COLLECTION**

The article presents the results of the work on revealing and studying the monuments of the Old Believers' art stored in the Russian museum. Icons from the former collection of the antiquities storehouse of the Alexander Nevsky Lavra in St. Petersburg are chosen as an example. The work with archival materials has helped to study the origin of these monuments. The analysis of iconography and style has made it possible to find out or specify the place and time of their creation.

Key words: Old Belief, icon painting, history of collections, antiquities storehouse of the Alexander Nevsky Lavra, Russian Museum.

В 1922 г. в Государственный Русский музей поступило собрание древлехрамнища Свято-Троицкой Александрo-Невской лавры [12–16]. Регистрация и передача памятников была организована представителями Государственного Музейного фонда, а их непосредственный прием осуществляли сотрудники Отделения древнерусского искусства. Памятники были приняты в музей на условиях временного хранения, без права внесения

в инвентари, вплоть до восстановления музея на территории Александрo-Невской лавры.

Проект временного сохранения в Русском музее бывшего древлехрамнища как вынужденная мера охраны лаврского музея принадлежал обществу «Старый Петербург» [15, л. 3–3 об.], принявшему на себя после революции попечение над Лаврой. Однако планам восстановления древлехрамнища не суждено было осуществиться. Постепенное

закрытие действующих церквей и вывоз их имущества в Музейный фонд с последующей передачей зданий на территории Лавры различным учреждениям и организациям разрушили все иллюзии насчет возрождения музея. В конце 1920-х гг. коллекции древлехранилища были оформлены на постоянное хранение в Русском музее или переданы в другие музеи Ленинграда.

Древлехранилище Александро-Невской лавры просуществовало сравнительно недолго [1, с. 25–45, примеч. 18–68 на с. 106–108]. Оно было основано в 1909 г. по инициативе заместника Лавры архимандрита Феофана (Тулякова) и торжественно открыто 16 марта 1910 г. Музей занимал тесное помещение в юго-западной башне Митрополичьего корпуса, хотя располагал достаточно солидным по числу экспонатов собранием. Условиями хранения объяснялась его малая известность публике. Не способствовал популяризации музея и его каталог – «Краткая опись» древлехранилища, изданная к его открытию и содержащая самые общие (а иногда и суммарные) сведения об экспонатах [2]. В описи по большей части были опущены датировки, размеры и сведения о происхождении памятников.

Наличие в собрании древлехранилища предметов старообрядческого культа явствовало из архивных документов. В переписке о распределении имущества, конфискованного в середине – второй половине XIX в. из закрытых старообрядческих моленных и скитов, неоднократно упоминалось об их отправке в Александро-Невскую лавру. Наиболее значительные партии икон были вывезены в Лавру по определению Петербургской Духовной консистории в 1859 г. из так называемой Долговой или Пиккиевой моленной, находившейся на Моховой улице в Петербурге [6; 5], и в начале 1879 г. из Святейшего Синода. Поступление 1859 г. насчитывало 504 иконы; в 1879 г. в распоряжение Высокопреосвященного Исидора, митрополита Новгородского и Петербургского были предоставлены 418 предметов «раскольничьего культа» [18].

В «Краткой описи» древлехранилища имеется лишь несколько упоминаний о ста-

рообрядческих памятниках. Так, в разделе икон с 419 по 456 номер значатся иконы «поморских писем» [2, с. 64, № 419–456]**; под номером 545 – «иконописная доска (с местом, вырезанным для креста), с изображением Св. Царя Константина и Св. Царицы Елены. XIX в.» [2, с. 65, № 545]; упомянуты также старообрядческая панагия [2, с. 77, № 836], «вериги железные с раскольничьяго Московского Преображенского кладбища», поступившие от митрополита Никанора через Императорское Человеколюбивое Общество в 1854 г. [2, с. 77, № 837], «медные литые образки и складни» [2, с. 65 № 631–645], походный антиминос (одегон), освященный на московском Рогожском кладбище [2, с. 59–60, №. 181]***.

Анализ архивных документов, связанных с закрытием Долговой (Пиккиевой) моленной в Петербурге, позволил установить, что именно иконы из этого старообрядческого храма составляли ядро «поморского» раздела лаврского древлехранилища [5].

В фонде Александро-Невской лавры, хранящемся в РГИА в Петербурге, удалось обнаружить и идентифицировать один исключительно важный для нашей темы документ. Заголовок дела мало что говорил исследователю: «Описи икон, находившихся в Лаврской ризнице на хранении. Ок. 1880 г.» [19]. Однако при ближайшем сопоставлении описей с реестром имущества моленной И. Ф. Долгова [5, прилож.] стало очевидным, что речь в обоих документах шла об одних и тех же предметах культа. Часть из них была выявлена в фонде древнерусской живописи Русского музея среди икон, поступивших в ГРМ в 1922 г. из древлехранилища Александро-Невской лавры. К сожалению, это лишь малая часть иконного собрания древлехранилища, в 1930-е гг. выданного из Русского музея в Музейный фонд. Среди оставшихся в Русском музее выделяется группа произведений, относящихся по стилю и иконографии к так называемым поморским письмам – иконам, созданным на севере в Выговской поморской старообрядческой пустыни. Это иконы «Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие Чудотворцы», «Святой Конан

Градаль», «Ангел Хранитель, князь Михаил Тверской и мученица Татиана», «Преподобный Антоний Римский Чудотворец в житии», «Святой Василий Великий в житии», «Благовещение» и др.

Изучение перечисленных икон позволило установить, что они были написаны в конце XVIII – первой трети XIX в. и попали в моленную часть при ее основателе и первом владельце – Иване Феокистовиче Долгом, частью при наставниках моленной – Федоре Петровиче Бабушкине и Василии Ерофееве [5].

С основателем моленной может быть связано появление в ее интерьере икон «Преподобные Зосима и Савватий Соловецкие Чудотворцы» и «Святой Конан Градаль», некогда находившихся в пядничном ряду иконостаса. На это указывает их стиль, характерный для поморского иконописания третьей четверти – конца XVIII в., и связь с посвящением храма.

Надпись на западной стене Долговой моленной, зафиксированная при ее описи чиновниками МВД, свидетельствовала, что поморский храм имел расширенное посвящение: «Построен сей святой молитвенный храм во имя Воздвижения честного и животворящего Креста Господня и Знамени Пресвятыя Богородицы и Собор Архангела Михаила и прочих небесных сил бесплотных и Святаго великаго Предотечи и Крестителя Господня Иоанна и Святых верховных Апостолов Петра и Павла и Святителя Христова Николы Чудотворца и Св. Праведнаго Алексия Человека Божия и преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев, Александра Свирского Чудотворца и Святаго Праведнаго Иоанна Устюжского Чудотворца...» [8, с. 152, примеч. 22 на с. 155–156]. В соответствии с посвящением был организован и местный ряд иконостаса, в котором по сторонам от Царских врат, помещались иконы с аналогичными изображениями****. Своеобразная программа местного ряда, как и само посвящение моленной, безусловно, были сформулированы в Выговской старообрядческой пустыни, где подолгу жили представители семейства Долгих, и откуда

впоследствии присылались в их петербургскую моленную наставники. Зависимость от Выга проявилась и в устройстве семярусного иконостаса, ближайшей аналогией которому служил иконостас Богоявленской соборной часовни Данилова монастыря, устроенный после пожара 1787 г. [5].

Как явствует из описи Долговой моленной, в составе ее пядничного ряда находилось значительное число икон, по иконографии идентичных местным. Свои пары имели образы преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, святого Иоанна Устюжского с Ангелом Хранителем, Апостолов Петра и Павла, Св. Алексия человека Божия, преподобного Александра Свирского, композиция «Собор Архангела Михаила» и т. д. Именно к таким парным образам и принадлежала икона соловецких чудотворцев, хранящаяся ныне в Русском музее (инв. № ДРЖ Б-523) [4, с. 93, кат. 75].

Преподобные Зосима и Савватий изображены в трехчетвертных поворотах к центру, с обителью в руках, в предстоянии образу Богородицы «Знамение». На протяжении длительного времени иконография подобных икон не подвергалась существенным изменениям, варьировались лишь их размеры в зависимости от места, занимаемого в храмовых интерьерах. Группа сохранившихся до наших дней выговских икон преподобных Зосимы и Савватия (из дер. Шелтопорог, КМИИ [3, с. 96–97, кат. 1/8], из собрания ЦМиАР [10, с. 395, кат. 8, ил.] и др.) обнаруживает сходство материальных признаков и техники исполнения, деталей иконографии и характера надписей. Неизменным остается и облик монастыря, изображенного за мощными белыми стенами с угловыми башнями и проездными воротами на переднем плане.

Почитание соловецких чудотворцев в Выговской поморской пустыни имело глубокие корни. Свое происхождение пустынь вела от Соловецкого монастыря, идею преемственности от которого еще в 1719 г. сформулировал один из основателей, а впоследствии наставников общежительства Андрей Денисов в «Слове надгробном Петру Прокопьевичу»: «Малая сия речка или... обще-

жительность сие... истече от источника великаго Соловецкия, глаголю, преподобных отец и мирских молитвенников Зосимы и Савватия обители яко благословением, тако чином и уставом» [11, с. 7].

К первой трети XIX в. относится группа из двух икон: «Преподобный Антоний Римский Чудотворец с житием в 12 клеймах» и «Святой Василий Великий с житием в 16 клеймах» (инв. № ДРЖ Б-77, ДРЖ Б-310) [4, с. 95, кат. 78; с. 94, кат. 77]. Свидетельством тому не только их стиль, но и надпись на обороте первой иконы: «Василью Ерофіевичю || о(т) Семена Стефанова», указывающая на непосредственную связь образа с наставником Долговой моленной Василием Ерофеевым. Ерофеев – выходец из Выговского общежительства – принял на себя управление моленной в 1830 г. Должность свою он исправлял еще в 1841 г., когда правительственные чиновники начали собирать компрометирующие сведения о поморцах. В это время наставнику было 75 лет [20, л. 91 об.–92].

Скорее всего, названные иконы появились в моленной вместе с новым наставником. В таком случае время их создания не выходит за рамки первой трети XIX столетия – времени последнего взлета выговского иконописания. Иконы этого времени отличаются особой повествовательностью, что выражается не только в выборе сюжетов, позволяющих передать связный рассказ, но и в использовании пространственных надписей, сопровождающих изображения. Икона святого Василия Великого, представляющая ближайшую аналогию образу св. Антония Римлянина, скорее всего, являлась патрональным образом Василия Ерофеева, воспроизводя облик его святого соименника.

К произведениям позднего выговского иконописания принадлежит и икона «Благовещение Пресвятой Богородицы», сопровождаемая миниатюрными клеймами, иллюстрирующими события из жизни Девы Марии (инв. № ДРЖ Б-137) [4, с. 96–97, кат. 80]. Стиль иконы также указывает на заключительный этап в развитии выговского иконописания. Его характерными признаками являются более сухая и графичная, чем прежде,

манера исполнения, использование коричневатых охр в личном письме, появление на позах тонких невысоких елочек. Как и на двух житийных иконах, важная роль отводится сопроводительным надписям, комментирующим едва ли не каждое изображение на иконе.

Явные приметы иконописи первых десятилетий XIX столетия можно отметить на иконе «Спас Благое молчание» из пядничного ряда Долговой моленной (инв. № ДРЖ Б-1273). До неузнаваемости изменяется типичная для более раннего времени строгая палеография надписей, приобретающая черты вычурности, а иногда и небрежности. Образы Спасителя, облаченного в архиерейские одеяния, с ангельскими крыльями за спиной, получили исключительно широкое распространение у старообрядцев [4, с. 238–239, кат. 208]. Одним из характерных признаков данного иконографического типа являлась поза Спасителя, изображаемого со скрещенными перед грудью руками в знак смирения и покорности. В отступление от традиционной иконографии на иконе из Долговой моленной Иисус Христос изображен с благословляющей десницей и орудиями страстей в шуйце, чем акцентируется тема Его жертвенного служения.

Еще две иконы из Долговой моленной, поступившие в Русский музей в 1922 г. через древлехранилище Александро-Невской лавры, впоследствии были выданы в Музейный фонд (старые номера Русского музея: 4449, 4743). Это образы святого соименника основателя моленной Ивана Феокистовича Долгова – св. Иоанна Устюжского, представленного в сопровождении Ангела Хранителя. Вероятно, композиции этих икон, написанных во второй половине XVIII столетия, были близки иконографии образа «Ангел Хранитель, князь Михаил Тверской и мученица Татиана», происходящей из той же моленной (инв. № ДРЖ Б-113) [4, с. 94, кат. 76]. Традиция изображения святых соименников заказчиков в сопровождении Ангела Хранителя – одна из характерных тенденций старообрядческого (поморского) иконописания.

В заключение остановимся на особенностях еще одной иконы – «Святые Вонифатий,

Моисей Мурин и Паисий Великий» (инв. № ПМ-6850), происхождение которой остается пока неизвестным. В Александро-Невскую лавру она попала в 1879 г. в числе предметов старообрядческого культа, переданных из Синода. Образ был конфискован в середине XIX в. в одной из моленных и доставлен в Петербург, в Министерство внутренних дел. Свидетельствами перемещения иконы служат номера, проставленные на ее оборотной стороне и на наклейке.

Первоначально икона была вставлена в раму с образами избранных святых, по каким-то причинам оставленную в древлехранилище (размер иконы: 18 x 14,5; размер рамы: 50,3 x 40 см). Икона была исполнена по индивидуальному заказу, свидетельством чему служат надписи на ее тыльной стороне и специфический подбор святых. Пожелания заказчика сформулированы в следующих текстах: «вверху молица... || МЧНКЪ ВНИФАНТІИ ДЕК(В), ΘΙ (19) ДНЬ || И ПРП(Д)БНАГО МОУСЕЯ МУРИНА; АВГ(С) КИ (28) ДНЬ»; «снизу Паисія вели(к) паяснова по(л) во(х)(?)».

Поле иконы разделено на две неравные части. В верхней – на золотом фоне изображены мученик Вонифатий и преподобный Моисей Мурин. Святые представлены в рост, в позе молитвенного предстояния Господу Саваофу, написанному в верхней части иконы. Между их фигурами – прямоугольное углубление для медно-литой иконы с оглавием. В нижней части – поясной образ преподобного Паисия Великого.

Святые, изображенные на иконе, почитались ходатаями перед Богом в конкретных

бедах и житейских нуждах. Их имена и поводы молитвенного обращения к ним за заступничество приводились в особых сочинениях, носивших наименование: «Кому о чем молиться» («Сказание, киим святым каковыя благодати исцеления от Бога даны и когда память их») [7, с. 90, примеч. 27 на с. 94]. В церковном календаре дни памяти святых Вонифатия и Моисея Мурина приходятся на разные числа и месяцы – 19 декабря и 28 августа, однако повод молитвенного обращения к ним был одним и тем же: святым молились «об избавлении от винного запойства». В то же время преподобный Паисий Великий (память 19 июня) считался избавителем от муки умерших без покаяния.

Подобные иконы с вкладными медными образами получили широкое распространение на Урале. Часто они служили ставротечками (крестохранилищами). В таком случае по сторонам от креста в иконописной технике исполняли образы предстоящих на Голгофе. Однако нередко к ним добавляли и святых из арсенала нарочитых молебщиков. О вариантах сочетаний иконописных изображений и медно-литых икон можно судить по публикациям [9, с. 76, 200, кат. 334; с. 77, 219, кат. 469; с. 88, 201, кат. 343].

В настоящей статье представлена лишь часть материалов, касающихся памятников из собрания древлехранилища Александро-Невской лавры. Перспективы для дальнейшей работы открывают изучение произведений старообрядческого прикладного искусства и выявление экспонатов, выданных в 1930-е гг. на постоянное хранение за пределы Русского музея.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-04-00428а «Традиции и новации в старообрядческом изобразительном искусстве XVII–XIX вв.: К иконографии позднего русского иконописания».

** К старообрядческим иконам, судя по описи, могла относиться и часть икон, входивших в разделы «палеховских» и «мстерских» писем [2, с. 64 № 389–393; 387–388].

*** Как удалось установить, одегон был конфискован 15 июля 1855 г. в селе Иваново Шуйского уезда Владимирской губернии у иноков Конона и Павла (б. крестьян Костромской губернии) и поступил в МВД через П. И. Мельникова. 3 октября того же года он был отослан митрополиту Никанору для хранения в ризнице Александро-Невской лавры [17]. Современное местонахождение походного антиминос не установлено. Описание предмета в описи древлехранилища приведено неточно.

**** Направо от Царских врат здесь помещались иконы Спаса оплечного, Страстей Христовых с вкладным крестом, Богоматери Знамение, Николы Чудотворца, Зосимы и Савватия Соловецких, Александра Свирского и Архангела Михаила с 9-ю ангельскими чинами; налево – иконы Богоматери Тихвинской, Троицы, Успения, Иоанна Крестителя, первоверховных апостолов Петра и Павла, св. Иоанна Устюжского с Ангелом Хранителем и «образом Знамения Пресвятой Богородицы в верху их» и св. Алексия человека Божия [20, л. 28 об.–30].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А. А.* Древлехрамление Александро-Невской лавры. История создания и экспозиция // Музей в ансамбле Александро-Невской лавры: Сб. научных статей. СПб., 1997. С. 25–45. Примеч. 18–68 на с. 106–108.
2. Древлехрамление Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. 1712 г. – 1910 г. Краткая опись. [СПб., 1910]. 116 с.
3. Культура староверов Выга (К 300-летию основания Выговского старообрядческого общежития): Каталог. Петрозаводск: «Карпован сизарексет», 1994. 120 с.
4. Образы и символы старой веры: Памятники старообрядческой культуры из собрания Русского музея. Альманах / сост. изд. и авт. вступ. ст. Н. В. Пивоварова. СПб., 2008. Вып. 217. 288 с.
5. *Пивоварова Н. В.* Оазис древнего благочестия: об идейной программе внутреннего убранства Долговой моленной в Петербурге // Старообрядчество в России / под ред. Е. М. Юхименко. Вып. 4 (в печати).
6. *Пивоварова Н. В.* Пиккиева моленная в Петербурге: Страницы истории // Старообрядчество: История, культура, современность. Материалы [VIII Международной научной конференции. 13–15 ноября 2007 г. Москва]. М., 2007. Т. I. С. 109–115.
7. *Пивоварова Н. В.* Старообрядческая икона: к постановке проблемы сложения коллекций и художественного своеобразия памятников // Государственный Русский музей. Страницы истории отечественного искусства: XII – первая половина XIX века. СПб., 2002. Вып. VIII. С. 426–437.
8. *Пивоварова Н. В.* Старообрядческие моленные Петербурга в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам Российского государственного исторического архива) // Три века синтеза церковного и светского искусства. Материалы научно-практической конференции в рамках выставки «Православный Петербург. Святые и святыни» (к 300-летию основания Санкт-Петербурга). 13–14 ноября 2003 года. Ораниенбаум, 2003. (Ораниенбаумские чтения. Вып. IV). С. 150–156.
9. Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII – начала XX в. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998. 352 с.
10. *Чугреева Н. Н.* Группа поморских икон в собрании Музея имени Андрея Рублева // Мир старообрядчества. М., 1998. Вып. 4. С. 391–396.
11. *Юхименко Е. М.* «Монастырь, нарицаемый Данилов...» // Культура староверов Выга (К 300-летию основания Выговского старообрядческого общежития): Каталог. Петрозаводск: «Карпован сизарексет», 1994. С. 5–10.

СПИСОК АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

12. АГЭ. Ф. 4. Д. 991: Описи, акты и переписка о передаче всей Александро-Невской Лавры в отдел коммунального хозяйства, о взятии на учет и вывозе историко-художественных предметов и других вещей из Александро-Невской Лавры, митрополичьих покоев и других помещений Александро-Невской Лавры в Музфонд и музеи. 24.11.1918–25.09.1923. 95 л.
13. АГЭ. Ф. 4. Д. 994: Списки, описи, акты и переписка о вывозе вещей из Древлехрамления Александро-Невской Лавры. 25.11.1918–01.09.1922. 57 л.
14. АГЭ. Ф. 4. Д. 995: Списки, описи, акты и переписка о вывозе вещей из Древлехрамления Александро-Невской Лавры. 20.07–08.08.1922. 47 л.
15. ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 270: Материалы о передаче музею историко-художественного имущества Александро-Невской лавры. 1922. 7 л.

Старообрядческие памятники из древлехранилища Александро-Невской лавры в собрании Русского музея

---

16. ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 271: Материалы о передаче музею художественных произведений... 16.07.1922–19.12.1923. 40 л.

17. РГИА. Ф. 796. Оп. 136. Д. 842: По донесению Иустина епископа Владимирского о поимке раскольничьих лжемонахов Конона и Павла и конфискации походной церкви их. 42 л.

18. РГИА. Ф. 796. Оп. 160. Д. 2051: О передаче икон, хранящихся в Синодальной библиотеки в ведение митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского. 21.01–06.02.1879. 11 л.

19. РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 37: Описи икон, находившихся в Лаврской ризнице на хранении. Ок. 1880 г. 5 л.

20. РГИА. Ф. 1284. Оп. 198 (1839). Д. 77: По Высочайшему повелению о находящейся в Санкт-Петербурге раскольнической моленной Косцова. 17.08.1839–01.05.1852. 355 л.

21. РГИА. Ф. 1284. Оп. 204 (1849). Д. 971: О раскольнических моленных в Санкт-Петербурге в доме купца Пиккиева и в г. Шлиссельбурге в доме акцизного крестьянина Ивана Трофимова. 09.01.1849–15.03.1853. 60 л.